

“Взбитые сливки” на тележке

Мариинский театр. — 1995. — № 8-9. — С. 7

На сцене Вахтанговского театра прошел гала-концерт международных звезд балета. В нем приняли участие ведущие артисты Большого, Мариинки, приехали гости из Германии — Симона Ножа и Юкка Аромаа, собрались и те наши танцовщики, кого судьба разбросала по всему миру: Татьяна и Алексей Ратманские (Королевский балет Виннипега), Инна Дорофеева и Вадим Писарев (Немецкая Опера на Рейне), Юрий Посохов (Балет Сан-Франциско). Это был замечательный балетный вечер, на котором, по-моему, впервые благополучно обошлись без пресловутого *grand pas* из “Дон Кихота”!

Лучезарные, захваченные вихрем танца, пронеслись в неудержимо стремительной и темпераментной “Тарантелле” Баланчина Маргарита Кулик и Владимир Ким. В *pas de deux* из “Сильфиды” вместо привычной девы воздуха перед нами порхала почти “кустодиевская сильфида” Людмила Семеняки. Танец балерины был соткан из тонких штрихов, намеков, импрессионистских мазков. А ее партнер, поднаторев в школе Датского Королевского балета, во всем блеске демонстрировал истинно бурнонвилевский стиль. Неярко показавшиеся на конкурсе “Бенуа” Симона Ножа и Юкка Аромаа из Немецкой Оперы на Рейне сумели взять реванш! Замысловатая форсайтоская пластика оказалась чрезвычайно близка их темпераменту, и фрагмент из балета “Посередине, ... слегка на возвышении” они исполнили броско, с чувством стиля, наполнив свои реплики смыслом и точным восприятием ритмической структуры. Этот абстрактный и рационально выстроенный балет Форсайта — “современного Баланчина”, помимо блестящей техники, требует от исполнителей эмоциональности особого рода; что доступно далеко не каждому. Накал создается за счет четкости движения, музыки, внутреннего ритма, напора. Эмоция рождается из танца: из сопоставления и столкновения танцевальных фраз и комбинаций, из заостренных па и ломких линий, джазовых интонаций и дисгармоний. Красивая,

большеглазая, с поджарыми, рельефно-мускулистыми ногами Симона Ножа и рослый, элегантный Юкка Аромаа входят в этой “рваной” лексике подтекст и взаимоотношения мужчины и женщины возвышают над повседневным бытом, переводя их в сферу универсальности пола. Танцовщики сумели в жесткой пластической конструкции выявить присутствующее ей импровизационное, спонтанное начало.

В мечтательно-фатально-любовной тональности прозвучал номер Манеса “Март” в исполнении Инны Дорофеевой и Вадима Писарева. К сожалению, Надежда Грачева и Александр Ветров в *pas de deux* и “Корсара” и Инна Петрова и Сергей Филин в *pas de deux* из “Жизели” выглядели обыденно и были не в лучшей своей форме.

Облик Алексея Ратманского, его исполнительская манера, пластика, используемые им хореографические цитаты ассоциировались с нашими представлениями о танце Нижинского. В своей собственной постановке Ратманский вместе с пикантно-нежной, чувственно-ломкой и острой Татьяной Ратманской исполнил остроумный номер на музыку Нино Роты “98 шагов”, который я скорее бы назвал “Мужчина и женщина”, а также на музыку Рихарда Штрауса — “Взбитые сливки”. Сливки (Ратманский) вывели на тележке: дрожащий десерт облизывали, обожали, сердились, что он истаявает, из-за него ссорились, просто теряли голову... И сколько в этом было невинной эротичности и соблазна! Но самое сильное впечатление произвело выступление Ратманского в “Сарабанде” Корелли-Баланчина, в которой хореограф обуздал дух барокко строгими и бесстрастными канонами классицизма. Исполнив ее, как менуэт, в величественной манере, танцовщик, чуткий к баланчинскому стилю, сумел подчинить свой внутренний темперамент и экспрессию строгости и красоте танца. Как выразились бы во времена Горация: “я все сказал и тем облегчил душу”.

Александр ФИРЕР